A 119/439

А 119
439.

Критическій анализъ главнѣйшихъ ученій объ отношеніи между церковію и государствомъ, *П. Срѣтенскаго*. Москва 1878. Вып. 1, стр. 113.

Авторъ брошюры не задается мыслію — разрѣшить сложный и трудный вопросъ объ отношеніи между церковію и государствомъ. Онъ предполагаетъ въ своемъ изслѣдованіи — „показать образованіе и развитіе началъ", на которыхъ разнообразно разрѣшенъ означенный вопросъ въ исторіи христіанскаго міра, но съ критическою ихъ оцѣнкою.

Въ настоящемъ выпускѣ авторъ изображаетъ происхожденіе, историческое развитіе и отличительныя черты двухъ первоначальныхъ въ христіанскомъ мірѣ системъ отношеній между государствомъ и церковью. Одна система названа авторомъ системою „господства государства надъ церковію" или „цезаре-папизмомъ"; другая — системою господства церкви надъ государствомъ или римскимъ папизмомъ. Подъ первою системою авторъ разумѣетъ византійскую, сложившуюся въ теченіи первыхъ девяти вѣковъ христіанства. Онъ изображаетъ ее (на стр. 9—68) въ историческомъ развитіи коротко, ясно, безпристрастно, отчетливо. Результатомъ историческаго изображенія и критическаго разбора ея является у автора положеніе: отношенія между церковью и государствомъ *могли-бы быть правильны* и благопріятны и для церкви и для государства и не вели бы къ различнымъ запутанностямъ, *если-бы не отличались непослѣдовательною и внутренними противорѣчіями*, уничтожившими ихъ добрые плоды, которыхъ можно было бы ожидать отъ нихъ при совершенно иныхъ условіяхъ". Въ изображеніи (стр. 68—113) системы „господства церкви надъ государствомъ" или „римскаго папизма" авторъ брошюры разъясняетъ связь и образованіе ея съ историческимъ положеніемъ папы въ первые вѣка христіанства; показываетъ характеристическія особенности ея сравнительно съ византійскимъ цезарепапизмомъ; затѣмъ выясняетъ сущность средневѣковой идеи императорской власти и вліяніе ея на развитіе римскаго папизма. — Брошюра не имѣетъ претензій внести вкладъ

МПМ

въ науку; но, при недостаткѣ русской литературы объ этомъ предметѣ и при чрезвычайно богатой, разнообразной и — можно сказать — запутанной въ этомъ дѣлѣ литературы Западной Европы, брошюра г. Срѣтенскаго весьма полезна для лицъ, желающихъ ознакомиться съ существомъ той части предмета, которая представлена авторомъ. Историческія и юридическія свѣдѣнія брошюры довольно полны; автору представляются они ясно и изложены удобно для читателя. Въ критическомъ анализѣ системъ отношеній между церковью и государствомъ г. Срѣтенскій стоитъ на основаніи того воззрѣнія, по которому признается, что церковь, какъ своеобразное общество, можетъ и должна быть самостоятельною въ государствѣ въ предѣлахъ своихъ цѣлей. — Желательно, чтобы авторъ продолжалъ свой трудъ.

Очерки внутренней исторіи Византійско-восточной церкви въ IX—XI вѣкахъ, Экстраорд. проф. Московской дух. Академіи *А. Лебедева*. М. 1878. Стр. VI+264.

Книга г. Лебедева въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть названа продолженіемъ вышеразсмотрѣнной брошюры г. Срѣтенскаго и можетъ служить пособіемъ для знакомства съ положеніемъ отношеній между церковью и государствомъ въ періодъ времени, послѣдующій за тѣмъ временемъ, которое изображено въ книгѣ г. Срѣтенскаго. Въ „Очеркахъ“ г. Лебедева, состоящихъ изъ 4-хъ отдѣловъ, первый изъ нихъ (1—93) имѣетъ заглавіе „Церковь, государство и общество“ и изображаетъ „теоретически высокое, практически уничиженное положеніе церкви въ государствѣ“, въ разсматриваемый авторомъ періодъ, — когда „церковь была на службѣ государству“ и въ тоже время испытывала неумѣстное „вмѣшательство императоровъ въ ея дѣла“. Къ разъясненію отношеній между государствомъ и церковью въ разсматриваемый г. Лебедевымъ періодъ можетъ служить и второй отдѣлъ его книги, въ которомъ изображаются „смуты въ іерархіи“ и, между прочимъ, „ученье о пентархіи патріаршей“, попеченіе церкви о дисциплинѣ клира, ея борьба съ ересями и условія развитія церковнаго законодательства. Въ остальныхъ двухъ отдѣлахъ книги авторъ обрисовываетъ состояніе образованности, науки и религіозно-умственной жизни византійцевъ въ теченіе означенныхъ трехъ вѣковъ. Книга г. Лебедева полезна не только для знакомства съ историческимъ состояніемъ константинопольской церкви въ разсмотрѣнный имъ періодъ, но и для подготовки къ разсмотрѣнію того вліянія, какое могла византійская церковь оказать на народности, среди которыхъ распространялись и утверждались въ этомъ періодѣ, подъ зависимостію константинопольской церковной власти, христіанская вѣра и церковь. Поэтому, книга г. Лебедева имѣетъ немаловажное значеніе при изученіи первоначальной исторіи русской церкви. Очерки г. Лебедева написаны живо, бойко и съ достаточнымъ указаніемъ источниковъ и литературы.

2007043111

Споры безпоповцевъ о бракѣ, *К. Надеждина* Изд. 2-е. Владиміръ, 1877. Стр. 148.

Эта небольшая брошюра составлена на основаніи раскольническихъ рукописей и журнала „Истина“, который сначала (1863—1868 г.) былъ органомъ одного изъ толковъ Ѳедосѣевцевъ, а затѣмъ единовѣрія. Въ брошюрѣ излагаются разногласія о значеніи и существѣ брака, существующія между двумя толками Ѳедосѣевцевъ. Приверженцы „Преображенскаго кладбища“ держатся такихъ понятій о бракѣ, которыя могутъ быть представлены въ слѣдующихъ положеніяхъ: „бракъ долженъ быть таинствомъ; но таинства съ низведеніемъ благодати на пріемлющихъ ихъ могутъ совершаться лишь при существованіи истиннаго священства; а истиннаго священства теперь нѣтъ въ церкви; стало быть не можетъ быть теперь ни таинствъ вообще, ни брака въ частности; и поэтому всѣ истинные христіане (т. е. Ѳедосѣевцы) должны быть безбрачны“.

Противники Ѳедосѣевцевъ, прихожане Покровской въ Москвѣ часовни, также безпоповцы, сохраняютъ, защищаютъ и распространяютъ воззрѣнія на возможность и необходимость брака въ слѣдующемъ видѣ: „бракъ не есть только таинство, совершаемое чрезъ вѣнчаніе, но и сочетаніе; онъ можетъ установиться и помимо священства, хотя и не сдѣлается безъ вѣнчанія таинствомъ; слѣдовательно установленіе брака законнаго, по гражданству, возможно. Мало того; бракъ — необходимъ; потому что онъ установленъ Богомъ въ природѣ человѣческой для размноженія рода человѣческаго и царства Божія и для избѣжанія безпутной жизни, которою такъ отличаются приверженцы Ѳедосѣевскаго кладбища“. Борьба указанныхъ двухъ воззрѣній на бракъ и представлена въ брошюрѣ г. Надеждина. Такимъ образомъ, содержаніе ея даетъ матерьялъ для знакомства съ существующими въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества воззрѣніями на существо, значеніе и формы заключенія брака. Эти воззрѣнія представлены въ брошюрѣ въ видѣ извлеченій изъ сочиненій раскольническихъ писателей. Лица, занимающіяся изслѣдованіемъ или изученіемъ русскаго брачнаго права и существующихъ въ народѣ понятій о различныхъ сторонахъ брака, не должны игнорировать брошюры г. Надеждина, хотя она не отличается ни богатствомъ содержанія, ни обширностію и полнотою изложенія.

Церковный судъ въ первые вѣка Христіанства. Историко-каноническое изслѣдованіе *Н. Заозерскаго*. Кострома. 1878. Стр. III + 349.

Сочиненіе г. Заозерскаго заслуживаетъ особеннаго вниманія тѣхъ лицъ, которыя интересовались движеніемъ въ послѣдніе годы въ нашемъ обществѣ, въ печати и законодательствѣ вопроса о такъ называемой „духовно-судебной реформѣ“. Извѣстно, что этотъ вопросъ занималъ русское общество, печать и „вѣдомство православнаго исповѣданія“ болѣе десяти лѣтъ сряду и до сихъ поръ остается неразрѣ-

шеннымъ и нисколько неизмѣненнымъ противъ того положенія, въ какомъ онъ явился въ наслѣдіе нашему времени отъ временъ дореформенныхъ. Много было толковъ о духовно-судебной реформѣ въ нашей публицистической литературѣ; не мало времени, энергіи и труда посвятили на подготовку реформы „свѣтскіе“ и „духовные юристы“, приглашенные къ законодательнымъ работамъ по „вѣдомству православнаго исповѣданія“, и сами высокопоставленныя лица этого вѣдомства. Но, къ сожалѣнію, слѣдуетъ сознаться, что шумъ и толки, съ которыми разрѣшался „вопросъ“, обнаруживали, что значеніе церковно-судебнаго права недостаточно ясно и вѣрно сознается въ той средѣ нашего общества, которая силится имѣть и оказываетъ свое преобладающее вліяніе на законодательныя реформы нашей церкви. Недостаточность яснаго сознанія и пониманія значенія православнаго церковно-судебнаго права происходитъ между прочимъ отъ того, что въ означенной сферѣ не оказывается вниманія къ научной разработкѣ вопросовъ церковнаго права; отъ этого и самая разработка ихъ посредствомъ научныхъ пріемовъ идетъ медленно, встрѣчаетъ множество препятствій. При такомъ положеніи науки и литературы „церковнаго права“ въ православной Россіи появленіе всякаго, какого бы то ни было новаго, „историко-каноническаго изслѣдованія“ — весьма рѣдко и внимательно привѣтствуется всѣми, кто желаетъ успѣховъ этой наукѣ и развитію правосознанія въ русской церкви. Ученое же изслѣдованіе о такомъ предметѣ церковнаго права, который возбуждаетъ споры въ нашей публицистической печати и передъ законодательнымъ разрѣшеніемъ вопроса о немъ, есть своего рода подвигъ со стороны автора. Такой подвигъ и совершилъ г. Заозерскій.

„По поводу вопроса о церковнослужебной реформѣ, говоритъ авторъ въ предисловіи своего изслѣдованія, *не мало* было удѣлено *трудовъ* на отысканіе и истолкованіе тѣхъ данныхъ практики и законодательства церкви, которыми такъ или иначе представители нашей *канонической литературы* думали обосновать свои сужденія и проекты преобразованія современнаго намъ церковнаго суда, который бы вполнѣ удовлетворялъ, съ одной стороны, современному положенію церкви и ея потребностямъ, съ другой — въ тоже время согласовался бы и съ основными началами суда древней вселенской церкви. Такимъ образомъ затронутъ былъ вопросъ о судѣ древней церкви, и *наша литература представила нѣсколько изслѣдованій о немъ*“... Но „представленіе о церковномъ судѣ первыхъ вѣковъ христіанства, какое дала намъ литература наша по этой части“, по справедливому замѣчанію автора, „не полно“, едва ли вѣрно и во всякомъ случаѣ не свободно отъ оспориванія; „ибо споривше между собою изслѣдователи разошлись съ противоположными воззрѣніями на этотъ предметъ: одни нашли древній судъ церкви нисколько не противорѣчащимъ съ выработаннымъ проектомъ реформы нашего суда, другіе, напротивъ, нашли ихъ несогласующимися между собою“. Въ виду этого „авторъ и поставилъ себѣ задачею издать такое „изслѣдованіе, которое, отрѣшившись отъ всякихъ практическихъ задачъ, представило бы по возможности *полное и точное изображеніе церковнаго суда первыхъ пяти вѣковъ христіанства*“.

Задача, которую старался выполнить авторъ въ своемъ изслѣдованіи, почтенная; наша литература, церковная жизнь и законодательныя работы по „духовно-судебной реформѣ“ нуждаются въ „полномъ и точномъ изображеніи церковнаго суда первыхъ вѣковъ христіанства“. Такое изслѣдованіе крайне важно и необходимо въ каждой помѣстной церкви, въ каждомъ вѣроисповѣданіи — и независимо отъ требованій какого бы-то ни было времени.— Какъ же выполнена авторомъ предположенная имъ задача? Это можно видѣть изъ обзора содержанія его изслѣдованія и критической его провѣрки.

Послѣ небольшаго введенія (стр. 1—6), въ которомъ показываются отличительныя черты внутренняго (internum) церковнаго суда отъ внѣшняго (externum), открытаго, церковно-общественнаго суда, составляющаго предметъ его изслѣдованія, авторъ дѣлитъ самое изслѣдованіе на двѣ неравныя части. Въ первой части (стр. 7 — 53) авторъ говоритъ „о церковномъ судѣ по ученію Спасителя и апостоловъ, изложенному въ свящ. писаніи новаго завѣта, и по апостольскимъ правиламъ.“ Во второй части (стр. 54 — 349) излагаетъ, по тремъ отдѣленіямъ и въ многочисленныхъ главахъ, историческое развитіе церковнаго суда въ теченіи II, III, IV и V вѣковъ христіанства.

Въ той и другой части авторъ слѣдитъ за развитіемъ трехъ главныхъ сторонъ церковнаго суда: онъ старается показать 1) объемъ вѣдомства церковнаго суда за разсматриваемое имъ время, 2) главныя основанія и черты церковнаго судоустройства и 3) формы и порядокъ церковнаго судопроизводства. Въ первой части, всѣ эти предметы излагаются авторомъ безъ всякаго раздѣленія на отдѣленія и главы; но вторая часть сочиненія, по количеству главныхъ вопросовъ, разрѣшаемыхъ авторомъ, дѣлится на три отдѣленія, а каждое отдѣленіе на нѣсколько главъ.

Объемъ *вѣдомства церковнаго суда* въ первомъ вѣкѣ опредѣляется въ изслѣдованіи подробнымъ исчисленіемъ преступленій, подлежавшихъ суду церкви по „апостольскимъ правиламъ“ (стр. 36—40); преступленія исчислены авторомъ по категоріямъ, но безъ анализа ихъ состава, безъ опредѣленія каждаго преступленія и безъ всякаго указанія на степень ихъ наказуемости. Въ изслѣдованіи вѣдомства церковнаго суда за время II — V вв. авторъ старается (въ двухъ главахъ) опредѣлить объемъ его на основаніи апостольскихъ постановленій, правилъ св. отцевъ этого времени, церковносудебной практики и законодательныхъ памятниковъ церкви, и указываетъ (въ третьей главѣ втораго отдѣленія) предѣлы и отношенія между церковною и государственною подсудностію по законодательнымъ памятникамъ римскихъ императоровъ отъ Константина до Юстиніана.

Изслѣдованіе автора *о церковномъ судоустройствѣ* состоитъ — въ первой части его труда—изъ разрѣшенія, на основаніи словъ Мѳ. 18, 15 — 18 и I Тим. 5, 19 — 20, вопроса — кто имѣетъ власть производить судъ въ церкви. Во второй же части сочиненія посвящены разъясненію церковнаго судоустройства въ періодъ времени II — V вв. четыре главы. Въ первой главѣ этой части онъ говоритъ объ епархіальномъ судѣ, его составѣ и предѣлахъ власти; во второй — о вспомога-

тельныхъ епископу органахъ *того же* епархіальнаго суда; въ третьей — о составѣ и предѣлахъ власти соборнаго суда; въ четвертой — о судебной власти патріаршихъ и вселенскихъ соборовъ.

О церковномъ процессѣ авторъ въ первой части изслѣдованія говоритъ два раза: при объясненіи (на стр. 8—16) извѣстныхъ словъ Спасителя (Мѳ. XVIII, 15—18: „Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой и пр.“) и при сводѣ результатовъ своихъ изслѣдованій первой части (на стр. 52—53). Во второй части авторъ изображаетъ церковный процессъ, за время II—V вв., весьма подробно,—въ шести главахъ. Здѣсь онъ указываетъ и на общія положенія о церковномъ судоустройствѣ; трактуетъ и о формахъ и порядкѣ церковнаго процесса въ первой инстанціи; излагаетъ правила епархіальнаго и соборнаго судопроизводства; говоритъ и объ апелляціонномъ процессѣ, и о вліяніи римскаго обвинительнаго процесса на церковный процессъ IV и V вв.; приводитъ и образцы церковносудебныхъ процессовъ V вѣка.

Изслѣдованіе автора заканчивается заключеніемъ (347 — 349), въ которомъ онъ вкратцѣ излагаетъ очеркъ своихъ изслѣдованій о предметѣ, составляющемъ содержаніе книги.

Очеркъ содержанія изслѣдованія г. Заозерскаго убѣждаетъ читателя, что авторъ, дѣйствительно, старался выяснить предположенную имъ задачу—„представить по возможности *полное* изображеніе церковнаго суда первыхъ пяти вѣковъ христіанства“. Имъ собрано много матерьяла по предмету его работы,—матерьяла хотя извѣстнаго и безъ его книги, но разбросаннаго по разнымъ памятникамъ церковной письменности, имъ подобраннаго въ одну книгу и расположеннаго по частямъ, отдѣленіямъ и главамъ. Книга г. Заозерскаго содержитъ въ себѣ, дѣйствительно, столь *полное* собраніе матеріала по его предмету, какого мы не встрѣчаемъ ни въ нѣмецкой, ни во французской, ни даже въ латинской (средневѣковой) литературѣ. Отдѣлъ о предметахъ вѣдомства церковнаго суда за первые пять вѣковъ христіанства представляетъ первый опытъ изчисленія преступленій, подсудныхъ церковному суду, на основаніи апостольскихъ правилъ и другихъ памятниковъ, — исчисленія столь подробнаго, какое сдѣлано Бингамомъ въ его „Древностяхъ“ и И. Вѣтринскимъ въ его Памятникахъ церковныхъ древностей, но по иной системѣ. Но, не смотря на старанія г. Заозерскаго о *полноту* изображенія церковнаго суда за первые пять вѣковъ христіанства, нельзя сказать, чтобы онъ изобразилъ въ своей книгѣ *всѣ* стороны церковнаго суда. Онъ вовсе не говоритъ въ своемъ изслѣдованіи, наприм., о церковныхъ наказаніяхъ, объ условіяхъ наказуемости виновныхъ, о примѣненіи церковныхъ наказаній и т. п. Между тѣмъ, при стараніи о *полноту* изслѣдованія, не слѣдовало бы, кажется, *игнорировать* и оставлять безъ вниманія указанныхъ другихъ сторонъ церковнаго суда. Правда, авторъ ограничиваетъ полноту изображенія церковнаго суда за разсматриваемое имъ время *возможностію* (въ предисловіи стр. 3); и эту возможность на стр. 343-й онъ ставитъ въ зависимость отъ данныхъ исторіи и церковнаго законодательства. Но этою оговоркою едва ли устраняется возможность упрека автору за неполноту; даже тѣхъ матерьяловъ, которые собраны въ книгѣ автора, было бы достаточно для

того, чтобы опущенныя имъ стороны церковнаго суда могли быть представлены въ полнотѣ, соотвѣтственной разсмотрѣннымъ въ его книгѣ сторонамъ.

Дѣйствительное объясненіе того, почему г. Заозерскій занятъ изображеніемъ разсмотрѣнныхъ имъ сторонъ церковнаго суда съ опущеніемъ другихъ, заключается въ весьма замѣтномъ при чтеніи большей части его книги стараніи — въ виду споровъ о церковномъ судѣ, бывшихъ по поводу проекта духовно-судебной реформы, „окончательно“ и „полно“ представить въ смыслѣ одной изъ спорящихъ сторонъ тѣ стороны древняго церковнаго суда, которыя составляли предметъ споровъ.

Это стараніе авторъ усиливается замаскировать въ книгѣ, но, по нашему мнѣнію, неудачно. Если бы авторъ не только упомянулъ о той нашей „литературѣ касательно суда древней церкви, которая старалась установить правильное отношеніе къ нему предполагаемыхъ церковно-служебныхъ реформъ“, но перечислилъ ея произведенія, показалъ бы ихъ содержаніе и направленіе и отнесся бы къ нимъ съ критическимъ разборомъ; то читатель книги г. Заозерскаго безъ всякаго труда могъ бы замѣтить, что его книга по своему направленію примыкаетъ къ тѣмъ произведеніямъ литературы, которыя явились со стороны іерократическаго направленія въ разрѣшеніи вопросовъ о церковномъ судѣ, и что она какъ бы и написана для поддержанія этого направленія. Мы весьма далеки отъ мысли — упрекать автора за направленіе. Но его сочиненіе имѣло бы болѣе ученыхъ достоинствъ, если бы онъ, „отрѣшившись отъ всякихъ практическихъ задачъ“, разсматривалъ и разрѣшалъ вопросы, его занимавшіе, по степени своего пониманія, съ своей точки зрѣнія, но въ связи съ различными рѣшеніями ихъ въ литературѣ. Его рѣшенія и разъясненія спорныхъ предметовъ вышли бы тогда болѣе основательны и обставлены были бы съ бо́льшею ясностію, *точностію* и убѣдительностію, чѣмъ теперь. Авторъ, по видимому, „отрѣшился“ отъ указанія и разсмотрѣнія русской литературы по изслѣдуемому имъ предмету и отъ споровъ съ „невѣрнымъ представленіемъ объ изслѣдованныхъ въ ней сторонахъ древняго церковнаго суда“ для того, чтобы явиться независимымъ отъ всякой полемики и безпристрастнымъ изслѣдователемъ предмета по первымъ источникамъ. Но желаніе его быть безпристрастнымъ отъ вліянія литературы не устранило его отъ ссылокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ подтвержденіе своихъ воззрѣній, на сочиненія такихъ иностранныхъ писателей, съ которыми онъ сближается въ разрѣшеніи спорныхъ у насъ предметовъ болѣе, чѣмъ съ другими писателями, русскими и иностранными, незаслужившими подозрѣній относительно ученаго безпристрастія. За отсутствіемъ въ книгѣ г. Заозерскаго обзора ученой литературы предмета его изслѣдованія, ссылки его лишь на нѣкоторыя иностранныя сочиненія, относящіяся къ разряду одного направленія, представляются свидѣтельствомъ и признакомъ того, что авторъ недостаточно знакомъ съ ученою литературою по своему предмету.

Недостаточно внимательныя отношенія автора о „церковномъ судѣ“ къ литературѣ своего предмета объясняютъ отчасти и то, почему авторъ, поставившій для себя задачею представить въ своемъ изслѣдованіи „*точное* изображеніе церковнаго суда первыхъ вѣковъ христіанства“, оказался въ

нѣкоторыхъ случаяхъ не очень-то точнымъ. Неточность автора обличается самою книгою его, благодаря пріемамъ автора въ изслѣдованіи и его склонности направить, быть можетъ подъ вліяніемъ со стороны, свои мысли въ пользу одной изъ упомянутыхъ выше спорящихъ сторонъ.

Пріемы автора въ изслѣдованіи многихъ отдѣльныхъ частей предмета состоятъ въ слѣдующемъ: онъ цѣликомъ приводитъ такія мѣста изъ письменныхъ памятниковъ, которые заключаютъ въ себѣ мысли о предметѣ, имъ изслѣдуемомъ; за тѣмъ онъ анализируетъ эти мѣста, объясняетъ имъ и въ своихъ объясненіяхъ или въ результатѣ своихъ объясненій приводитъ положенія, изображающія ту сторону церковнаго суда, которою авторъ занимается въ данномъ мѣстѣ своей книги.—Пріемы автора, сами по себѣ, имѣютъ въ отношеніи изображенія изслѣдуемаго предмета свои достоинства и недостатки. Въ избраніи тѣхъ или другихъ пріемовъ изслѣдованія всякій авторъ, конечно, совершенно воленъ. Но пріемъ, избранный г. Заозерскимъ, если не всегда удобенъ для ясной, цѣльной, юридической конструкціи разсматриваемыхъ имъ предметовъ, то открываетъ удобства для провѣрки *точности* положеній и объясненій автора и для сличенія ихъ съ подлинными мыслями текста памятниковъ, на которыхъ онъ утверждается въ своихъ положеніяхъ. — Позволяемъ себѣ сдѣлать провѣрку нѣкоторыхъ положеній г. Заозерскаго текстомъ тѣхъ мѣстъ изъ приводимыхъ имъ источниковъ, изъ которыхъ онъ выводитъ свои положенія.

Для изображенія ученія Спасителя о церковномъ судѣ, авторъ приводитъ извѣстное Его изреченіе: Если братъ твой согрѣшилъ противъ тебя, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ. Если послушаетъ тебя; то пріобрѣлъ ты брата своего. Если же не послушаетъ; возьми съ собою еще одного или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушаетъ ихъ; скажи церкви. А если и церкви не послушаетъ; то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь (Матѳ. XVIII, 15—18).

Въ приведенныхъ словахъ Спасителя „ясно различаются, говоритъ г. Заозерскій, собственно *три* суда: судъ наединѣ, судъ при посредствѣ свидѣтелей и, наконецъ, судъ предъ церковью?“ Значитъ, авторъ находитъ указаніе здѣсь на *три* инстанціи. Но сейчасъ же авторъ продолжаетъ: „но, очевидно, первые два вида суда по внутреннему своему характеру совершенно одинаковы и разнятся лишь по внѣшнему, количественному составу лицъ, производящихъ судъ“, и затѣмъ старается доказать, что второй судъ ничѣмъ не отличается отъ перваго суда и что въ словахъ Спасителя говорится лишь о *двухъ* судахъ. Итакъ нельзя понять изъ объясненій г. Заозерскаго: о двухъ или трехъ судахъ говорится въ приведенныхъ имъ словахъ Спасителя, которыхъ смыслъ ясенъ до очевидности.— Еще примѣръ. Продолжая анализъ тѣхъ же словъ Спасителя, г. Заозерскій выраженіе „скажи *церкви*“ старается объяснить такъ, чтобы читатель церковь понималъ здѣсь не какъ *общество*, а разумѣлъ бы только „предстоятелей ея“ (13 — 14). Спустя двѣ — три страницы (на 16-й), авторъ, забывъ о братскомъ судѣ, выводитъ изъ объясненій словъ Спасителя положеніе, что въ церкви есть особенныя лица, уполномоченныя *исключительнымъ* правомъ и властью производить церковный судъ; впослѣдствіи же онъ приписываетъ это *исключительное* право, на основаніи нѣкоторыхъ

слова Спасителя, однимъ *епископамъ*; а на стр. 31-й замѣчаетъ: „въ ученіи Спасителя мы видѣли только два основныхъ элемента, составляющіе судъ: церковь, то есть *всѣхъ вѣрующихъ*, и апостоловъ". Итакъ г. Заозерскій въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія заставляетъ понимать подъ церковью однихъ предстоятелей, а въ другомъ — всѣхъ вѣрующихъ. Которому же толкованію его долженъ слѣдовать читатель? — Въ приведенныхъ примѣрахъ „неточность" автора доходитъ до противорѣчій. — Не менѣе характеризуетъ „неточность" автора еще примѣръ, который мы встрѣчаемъ въ его книгѣ. Авторъ во многихъ мѣстахъ своей книги (стр. 31, 51 и др.) съ чрезвычайнымъ усердіемъ и рвеніемъ усиливается доказать, что въ первые вѣка христіанства *„судъ епископа* есть *первая* постоянно существующая инстанція, обладающая *исключительно* ей одной принадлежащею юрисдикціею". Но самъ же авторъ (стр. 145) приводитъ изъ „Апостольскихъ постановленій" мѣста, въ которыхъ говорится: „на судилищѣ пусть присутствуютъ съ вами (епископами) *и діаконы* и *пресвитеры, судя*, какъ люди божіи, съ справедливостію и нелицепріятно" и такъ далѣе. Приведя это и другія, подобныя ему, мѣста, авторъ на стр. 147-й выводитъ изъ нихъ слѣдующее положеніе: „Не трудно видѣть по постановленіямъ апостольскимъ, кто производитъ судъ? Епископъ церкви,—*одинъ только* епископъ: другаго здѣсь не представляется". — Приведенные примѣры пріемовъ изслѣдованія г. Заозерскаго показываютъ, что слова изъ памятниковъ онъ приводитъ „точно", — а въ объясненіи ихъ и въ выводахъ изъ своихъ объясненій отступаетъ отъ „точности изображенія" тѣхъ предметовъ, которые онъ изображаетъ. Такимъ образомъ онъ нерѣдко въ своей книгѣ противорѣчитъ самъ себѣ. — Приведенныя противорѣчія автора происходятъ отъ того, что онъ въ своемъ „точномъ и полномъ по возможности изображеніи древняго церковнаго судоустройства" старается отыскать, во что бы то ни стало, доказательства и свидѣтельства въ подтвержденіе спорнаго, но авторомъ признаваемаго за единственно вѣрное, мнѣнія, по которому предполагается, что въ древней церкви епископъ былъ такимъ же единственнымъ и исключительнымъ судьею въ своей области, какимъ является онъ въ *нѣкоторыхъ* (напримѣръ въ нашей русской) церквахъ и теперь. Такою *тенденціозностью* отличается весь отдѣлъ книги г. Заозерскаго о судоустройствѣ.

Въ своихъ стараніяхъ возвысить или усилить исключительное значеніе судебной власти епископа въ епархіи въ ущербъ каноническаго соучастія съ нимъ пресвитеровъ и церковнаго общества, г. Заозерскій не щадитъ ни логики, ни собственнаго плана своего сочиненія, ни очевидности историческихъ свидѣтельствъ. Это видно изъ обзора втораго отдѣла второй части его изслѣдованія. Посвятивъ въ этомъ отдѣлѣ первую главу изображенію „епархіальнаго суда, его *состава*" и прочее (стр. 144 — 181), онъ нашелъ нужнымъ отдѣлить отъ нея въ *особую* главу „о вспомогательныхъ органахъ *епархіальнаго* суда" (стр. 182 — 201). Это выдѣленіе сдѣлано авторомъ съ нарушеніемъ не только исторической „точности", но и требованій логики. Въ отдѣленіи о церковномъ устройствѣ суда во II — V вѣкахъ (стр. 144 — 244) авторъ разсматриваетъ это устройство по инстанціямъ. Въ устройствѣ древнецерковнаго суда онъ находитъ существованіе трехъ инстанцій. Разсмотрѣнію устройства каждой инстанціи онъ посвятилъ осо-

бую главу. Такимъ образомъ логика требовала отъ г. Заозерскаго, чтобы въ отдѣленіи его книги объ устройствѣ церковнаго суда во II — V вв. состояло *три* главы; но онъ помѣстилъ въ немъ *четыре* и особую главу (вторую) посвятилъ исключительно разсмотрѣнію „вспомогательныхъ епископу органовъ *епархіальнаго* суда", о составѣ котораго онъ говоритъ въ *первой* главѣ. Такое обособленіе „вспомогательныхъ органовъ" епархіальнаго суда отъ „состава" того же суда, сдѣланное авторомъ вопреки требованіямъ логики и исторической точности, объясняется исключительно стремленіями автора — принизить значеніе пресвитеровъ въ отношеніяхъ ихъ къ епископу. Авторъ былъ бы болѣе „точенъ" въ историческомъ изображеніи древняго церковнаго судоустройства и избѣжалъ бы противорѣчій самъ съ собою, если бы онъ, „отрѣшившись" отъ предвзятой мысли — поддержать своимъ изслѣдованіемъ одну изъ спорящихъ относительно „извѣстнаго проекта" духовносудебной реформы сторонъ, представилъ бы по литературнымъ изслѣдованіямъ „спорящихъ сторонъ" различныя объясненія приведенныхъ имъ въ его сочиненіи мѣстъ изъ памятниковъ древней письменности, сопоставилъ бы ихъ, сравнилъ бы степень согласія разнорѣчивыхъ мнѣній съ свидѣтельствами памятника и въ итогѣ сравненій и сопоставленій подвелъ бы результаты своихъ наблюденій. Такой пріемъ въ изслѣдованіи соотвѣтствовалъ бы и личнымъ наклонностямъ автора, на сколько мы можемъ понимать ихъ по его изслѣдованію, и придалъ бы этому изслѣдованію строгій научный характеръ, чуждый тенденціозности.

Намѣренное стараніе г. Заозерскаго игнорировать различныя мнѣнія о разныхъ сторонахъ древняго церковнаго суда, излагаемыя въ ученыхъ объ этомъ предметѣ изслѣдованіяхъ писателей разныхъ вѣроисповѣданій, особенно невыгодно отразилось на той части его изслѣдованія, которая посвящена разъясненіямъ церковнаго судопроизводства. Въ нашей литературѣ объ этомъ предметѣ весьма мало было говорено. Авторъ собралъ и свелъ въ одно мѣсто очень много матерьяловъ относительно предмета; изобразилъ, на основаніи ихъ, нѣкоторыя частныя стороны и отдѣльные моменты процесса весьма подробно; высказалъ нѣсколько своихъ оригинальныхъ мыслей. Все это—заслуги автора въ изслѣдованіи его церковнаго процесса первыхъ пяти вѣковъ христіанства. Но все изслѣдованіе автора о процессѣ не имѣетъ цѣльности, основной мысли, юридической конструкціи, связности въ частяхъ и логичности въ изложеніи. Такіе недостатки изслѣдованія произошли отъ того, что авторъ незнакомъ съ теоріею судопроизводства, съ литературными изслѣдованіями церковнаго процесса и съ его исторіею. Авторъ удовольствовался въ изслѣдованіи процесса собраніемъ матерьяловъ и успѣлъ представить лишь внѣшнюю его сторону; но *существо* видовъ канонническаго процесса въ первые вѣка христіанства отъ него ускользнуло. Этого никакъ не могло бы произойти, если бы онъ познакомился съ изслѣдованіями о церковномъ процессѣ нѣмецкихъ (Бинера, Маркса, Гильдебранта, Мюнхена и др.) и французскихъ (Буи и Андрэ) изслѣдователей. При пособіи и посредствѣ наблюденій этихъ авторовъ о первыхъ началахъ развитія церковнаго процесса, г. Заозерскій въ тѣхъ самыхъ матерьялахъ, которыми онъ располагаетъ въ своей книгѣ, замѣтилъ бы безъ труда, что церковный процессъ съ самыхъ первыхъ временъ христіанской церкви сталъ различаться не только по внѣшнимъ фор-

мамъ (полной и сокращенной) и отдѣльнымъ моментамъ (процессъ въ первой инстанціи, — апелляціонное судопроизводство), которые замѣчены и г. Заозерскимъ, но по *существу* и *по предметамъ*. По *существу* канонический процессъ, въ первыхъ вѣкахъ христіанства, является въ нѣсколькихъ видахъ, которые называются процессами обличительнымъ (denuntiatio ἔλεγ ἐξις), обвинительнымъ (κατηγορία, accusatio) и изслѣдовательнымъ (ἐξέταξις, inquisitio). По предметамъ, къ которымъ церковный процессъ былъ прилагаемъ, онъ различается на *дисциплинарный*, который имѣлъ примѣненіе въ отношеніи къ проступкамъ и преступленіямъ членовъ церкви, и *состязательный*, употреблявшійся въ спорахъ и пререканіяхъ между членами церкви. Авторъ изслѣдованія „о церковномъ судѣ“, не имѣя въ виду указаннаго разнообразія церковнаго процесса въ первые вѣка христіанства, смѣшиваетъ въ своемъ сочиненіи различные его виды и поэтому не могъ съ научною ясностью и отчетливостью представить „точнаго“ изображенія церковнаго процесса въ первые пять вѣковъ христіанства.

Мы откровенно указали на нѣкоторые главные недостатки труда г. Заозерскаго и оставляемъ безъ указаній мелкіе недосмотры и промахи, а также и ошибки, которыя въ значительной части являются слѣдствіемъ крупныхъ или главныхъ недостатковъ его изслѣдованія. Наши указанія могутъ показаться строгими. Но эта откровенная строгость оправдывается тѣмъ, что въ первомъ трудѣ г. Заозерскаго по каноническому праву, представленномъ, какъ видно изъ цензурной помѣтки на книгѣ, на ученую степень въ совѣтъ московской духовной академіи, работавшаго, слѣдовательно, подъ руководствомъ бывшаго профессора А. Ѳ. Лаврова (нынѣ преосвященнаго), мы находимъ *надежные задатки* для предположенія, что въ лицѣ г. Заозерскаго можетъ выработаться ученый русскій канонистъ, который съ пріобрѣтеніемъ самостоятельности въ своихъ работахъ и съ расширеніемъ своихъ свѣдѣній будетъ въ состояніи освободиться въ своихъ ученыхъ трудахъ отъ недостатковъ, присущихъ первой его ученой работѣ, и обогатитъ весьма небогатую каноническую литературу „полными“ и „точными“ изображеніями разныхъ предметовъ церковнаго права. Къ выраженію такой надежды позволяемъ себѣ присоединить желаніе, чтобы г. Заозерскій встрѣтилъ на первыхъ порахъ своей ученой жизни и дѣятельности поддержку и ободреніе отъ кого слѣдуетъ и пріобрѣлъ бы положеніе, нужное для продолженія своихъ ученыхъ занятій по церковному праву.

Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей. Спб. 1876, стр. 396.

Авторъ „Опыта“ поставилъ для себя спеціальною задачею — „показать степень и размѣръ богатства монастырей“ (стр. 381) православной русской церкви или привести, по возможности, въ извѣстность ихъ имущества и доходы (стр. 1—3). Задача — почтенная и заслуживающая серьёзнаго вниманія русскаго общества и власти — церковной и государственной. Для выполненія предположенной задачи, авторъ съ величайшимъ усердіемъ и съ благородною настойчивостію старался собрать

свѣдѣнія о количествѣ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ въ настоящее время русскимъ православнымъ монастырямъ, о цѣнности этихъ имуществъ и объ ежегодныхъ окладныхъ и неокладныхъ доходахъ монастырей. Много усилій употребилъ авторъ „Опыта“ для собранія этихъ свѣдѣній. Онъ обращался въ монастыри и консисторіи, и къ официальнымъ и частнымъ лицамъ, отъ которыхъ онъ могъ получить нужныя ему свѣдѣнія: ему удалось пересмотрѣть много документовъ, въ которыхъ заключаются оффиціальныя свѣдѣнія о доходахъ и богатствахъ монастырей; получить, кромѣ того устныя сообщенія отъ знающихъ лицъ и собрать нѣсколько матерьяловъ для своего труда по личнымъ наблюденіямъ. Собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія авторъ „Опыта“ старался дополнить просмотромъ печатныхъ описаній многочисленныхъ монастырей, извлеченіемъ изъ отчетовъ оберъ-прокурора Св. Синода и газетными извѣстіями и замѣтками. Несмотря на усиленные и настойчивые труды автора собрать всѣ, требуемыя имъ, свѣдѣнія, онъ не могъ достигнуть вполнѣ своей цѣли. Ему пришлось встрѣтиться съ многочисленными затрудненіями и препятствіями въ собираніи свѣдѣній. Оказывается, что духовныя власти и монастыри намѣренно скрываютъ и считаютъ тайною для сторонннихъ лицъ доходы монастырей и архіерейскихъ домовъ (стр. 7). Въ этомъ „скрывательствѣ“ и заключается главная суть всѣхъ затрудненій автора въ его собираніяхъ, затрудненій, изъ которыхъ нѣкоторыя оказались для него непреодолимыми, выше его силъ. Тѣмъ не менѣе автору посчастливилось скопить въ своемъ распоряженіи такое богатство свѣдѣній о количествѣ имуществъ и доходовъ русскихъ монастырей, какимъ не обладаетъ въ настоящее время никто. По отчетамъ оберъ-прокурора Св. Синода, въ Россіи числится нынѣ, за исключеніемъ грузинскаго экзархата, православныхъ монастырей: мужскихъ 340, женскихъ 145, архіерейскихъ домовъ 57, всего 542. Авторъ „Опыта“, послѣ многолѣтнихъ усиленныхъ трудовъ собиранія свѣдѣній о количествѣ ихъ имуществъ и доходовъ, получилъ *„болѣе или менѣе подробныя, хотя и не полныя, свѣдѣнія слишкомъ о двухъ стахъ (200) и довольно удовлетворительныя — съ небольшимъ о 90 монастырякъ“* (стр. 9). „Частному, особенно же не вліятельному, лицу *невозможно*, по словамъ автора, предотвратить всѣ встрѣчающіяся въ знакомствѣ съ экономическимъ составомъ монастырей затрудненія“ (стр. 9). „Конечно, совершенно вѣрно замѣчаетъ авторъ „Опыта“, лучше было бы, еслибъ мы ознакомились съ экономическимъ состояніемъ, если не всѣхъ, то хотя бы половины нашихъ монастырей и архіерейскихъ домовъ, но что же дѣлать“.

Итакъ задача, избранная авторомъ, была чисто *статистическая*. Если бы авторъ выполнилъ ее успѣшно, онъ оказалъ бы великую услугу русской церкви, государству, обществу и самимъ монастырямъ. Но онъ, какъ самъ сознаетъ, не *могъ* ее выполнить. Онъ не собралъ даже *половины* тѣхъ свѣдѣній, которыя отыскивалъ. Къ тому же, отъ лица, занимающагося статистикою, требуется, чтобы онъ представилъ научное *статистическое изслѣдованіе* того предмета, о которомъ онъ собиралъ „статистическія данныя“. Первыя и основныя качества научно-

статистическаго изслѣдованія — точность, опредѣленность, полнота и наглядность изображенія собранныхъ изслѣдователемъ свѣдѣній. Но въ „Опытѣ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей“ нѣтъ и слѣда указанныхъ качествъ *научно-статистическаго* „изслѣдованія“. Авторъ, впрочемъ, и не думалъ ограничиться только *статистическимъ* „изслѣдованіемъ“ имуществъ и доходовъ монастырей.

Статистическія свѣдѣнія автора „Опыта“, собранныя и вовсе не обработанныя по научнымъ пріемамъ статистики, послужили въ его „Опытѣ изслѣдованія“ матеріяломъ для разъясненія одной стороны *финансоваго* состоянія нашихъ монастырей, а именно разъясненія—источниковъ и видовъ монастырскихъ доходовъ. *Финансовая* точка зрѣнія и есть преобладающая, хотя и не исключительная, въ „Опытѣ изслѣдованій“ *финансовыя* соображенія, разсужденія и сопоставленія составляютъ *главное* содержаніе „Опыта“. Если называть разсматриваемое сочиненіе „опытомъ *изслѣдованія*“, то это изслѣдованіе слѣдуетъ отнести по преимуществу къ тому, что можно назвать *церковно-финансовымъ* правомъ. Изъ XVIII-ти главъ, изъ которыхъ состоитъ „Опытъ“, 14 составляютъ, по преимуществу, финансовыя соображенія и наблюденія автора книги. Вотъ въ какомъ видѣ представляется содержаніе „Опыта“.

Показавъ въ предисловіи (стр. 1—10) задачу своего труда и изложивъ любопытныя затрудненія, съ которыми приходилось бороться автору „Опыта“ при собираніи статистическихъ свѣдѣній о предметѣ, онъ въ *первой* главѣ крайне неполно и односторонне излагаетъ способы происхожденія монастырскихъ имуществъ (стр. 11—23), коротко, а также односторонне изображаетъ (во *второй* главѣ, стр. 24—51) финансовое и нравственное состояніе нашихъ монастырей и представляетъ (глава III-я, стр. 51—68) нѣсколько извѣстныхъ уже въ печати свѣдѣній объ отобраніи монастырскихъ имѣній въ казну при Екатеринѣ II-й. Предисловіе и четыре первыя главы „Опыта“ составляютъ какъ бы введеніе автора въ „изслѣдованіе“ о доходахъ русскихъ монастырей. Въ главахъ IV—XII авторъ разсматриваетъ источники доходовъ, которые получаютъ русскіе монастыри. Классификація его не отличается послѣдовательностію и точностію. Онъ говоритъ, что наши монастыри получаютъ доходы: 1) отъ „такъ называемыхъ угодій“ (т. е. отъ недвижимыхъ имуществъ — земель, лѣсовъ, рыбныхъ ловель, мельницъ), при чемъ авторъ сообщаетъ нѣсколько весьма любопытныхъ свѣдѣній о количествѣ земельныхъ владѣній многихъ монастырей (стр. 69—87), 2) отъ пособій изъ государственнаго казначейства (стр. 88—102), 3) отъ богомольцевъ (стр. 103—141), 4) отъ часовенъ, сборныхъ книжекъ и молебновъ внѣ монастырей (142—173), 5) отъ кладбищъ (174—195), 6) гостинницъ, постоялыхъ дворовъ и другихъ промысловыхъ заведеній (стр. 208—231) и 7) отъ капиталовъ (стр. 232—249). Въ XII и XVI главахъ, „изслѣдователь“ подводитъ итоги ежегоднымъ доходамъ монастырей (250—280), а въ XIV главѣ сравниваетъ доходы монастырей съ доходами соборныхъ и приходскихъ церквей (281—301). Для вящшаго и полнаго изображенія *богатства* нашихъ монастырей авторъ опыта посвящаетъ цѣлую главу (XV-ю, стр. 306—346) описанію „обширныхъ зданій“, богатства „престоловъ и жертвенниковъ“, священ-

ныхъ сосудовъ, евангелій, напрестольныхъ крестовъ, священныхъ одеждъ, иконъ, царскихъ вратъ, гробницъ или ракъ для мощей св. угодниковъ, лампадъ, кадилъ, подсвѣчниковъ и другихъ принадлежностей св. храмовъ. И все это авторъ представляетъ для своихъ *финансовыхъ* соображеній, „изумляется многоцѣнности всего этого“ и находитъ, что „самый громадный, неисчислимый капиталъ положенъ въ священныхъ и церковныхъ предметахъ“ (стр. 343). При „изслѣдованіи“ каждаго источника монастырскихъ доходовъ, авторъ „Опыта“ старается, прежде всего, объяснить существо доходнаго источника, большею частію излагаетъ историческое происхожденіе источника, потомъ описываетъ способы полученія доходовъ, показываетъ степень доходности источника въ различныхъ монастыряхъ, нерѣдко опредѣляетъ количество получаемыхъ отъ него доходовъ, и весьма часто обрисовываетъ отношеніе доходнаго источника къ нравственному и религіозному состоянію монашествующихъ, большею частію въ анекдотической, иногда „пикантной“ формѣ. Надобно отдать автору справедливость: онъ старается *правдиво* изобразить „заботливость“ монашествующихъ объ умноженіи своихъ личныхъ и монастырскихъ доходовъ. Нѣтъ въ нашей литературѣ ни одной книги, въ которой бы съ такою подробностію, откровенностію и критикою съ религіозной и нравственной стороны описывались способы, практикуемые современными намъ русскими монашествующими — пріумножать доходы свои (братіи) и монастырскіе. При изображеніи способовъ добыванія доходовъ, авторъ становится не столько изслѣдователемъ финансовъ монастырей, сколько простымъ нравописателемъ. Изъ его описаній оказывается, что русскими монашествующими допускаются средства добыванія денегъ *незаконныя* (стр. 152), *неодобрительныя* (стр. 72, 206 и др.), *неприличныя* (стр. 176), съ *нарушеніемъ обѣтовъ монашества* (стр. 159), *благопристойности* (стр. 157, 176), *справедливости* и *выгодъ приходскихъ церквей* (стр. 157 и слѣд.), *городовъ и казны* (стр. 190, 208, 229); въ иныхъ же случаяхъ и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахи пускаются въ спекуляціи, неприличныя для монаховъ (стр. 172), производится неправильная торговля съ безчинствомъ (стр. 135) и изъ за денежныхъ доходовъ нравственно эксплоатируется религіозное чувство православныхъ богомольцевъ. Справедливость заставляетъ насъ сказать, что авторъ „Опыта“ начерталъ довольно отчетливую и, къ прискорбію, вѣрную во многихъ чертахъ картину „заботливости“ монашествующихъ о пріумноженіи монастырскихъ доходовъ. Тяжело читать тѣ страницы книги, на которыхъ изображается мрачными, но правдивыми чертами картина неприличнаго и неодобрительнаго добыванія доходовъ русскими монахами; но чувство справедливости и благоговѣнія предъ вѣрою внушаетъ сказать: „нужно же наконецъ сознавать и видѣть язвы, наносимыя русской церкви, русскому обществу, лицами, подъ прикрытіемъ монашеской рясы и благочестія, ищущими только доходовъ и наживы для себя“. Читатель, просматривая эти страницы, думаетъ, что авторъ „Опыта“, изображая упомянутую мрачную картину, конечно, имѣлъ цѣлію разъяснить необходимость — предпринять мѣры къ исцѣленію язвъ, наносимыхъ монашествующими русской церкви вслѣдствіе ихъ заботливости о преумноженіи доходовъ дозво-

ленными, недозволенными, неблагопристойными, неприличными, незаконными и т. п. средствами. Читатель тѣмъ съ бо́льшею надеждою ожидаетъ видѣть эту цѣль автора, что изысканіе и приложеніе мѣръ къ устраненію описанныхъ имъ средствъ вовсе не затруднительно ни для церковной, ни для государственной власти. Законъ и правила закрыли и учрежденіямъ и частнымъ лицамъ эти средства добыванія денегъ. Но читатель, дойдя до послѣднихъ главъ „Опыта", совершенно разъубѣждается въ намѣреніяхъ автора „Опыта". Оказывается, что авторъ „изслѣдованія" собралъ свѣдѣнія о доходахъ монастырей для разрѣшенія общегосударственнаго финансоваго вопроса. Онъ озабоченъ изысканіемъ средствъ для *народнаго образованія*. Въ доходахъ монаховъ и монастырей онъ и видитъ источникъ матерьяльныхъ средствъ для учрежденія и содержанія народныхъ училищъ. Вся книга „Опытъ изслѣдованій", въ существѣ своего содержанія, представляетъ ходъ слѣдующихъ соображеній ея автора. Монашествующіе и монастыри пользуются такими доходами и богатствами, которые далеко превышаютъ ихъ потребности и несовмѣстны съ монашескимъ обѣтомъ нестяжательности. Въ священныхъ и церковныхъ предметахъ, принадлежащихъ монастырямъ, положенъ „неисчислимый капиталъ"; въ совокупности русскіе, мужскіе и женскіе, монастыри (542), въ которыхъ числится теперь около 25,000 монашествующихъ и послушниковъ, по примѣрному исчисленію автора, получаютъ ежегодно болѣе 9 милліоновъ р. сер. За монастырями состоитъ нынѣ около милліона десятинъ земли. Цѣнность всѣхъ монастырскихъ зданій (оградъ, церквей, домовъ, келлій и т. д.) превышаетъ возможность опредѣлить ее. Однихъ денежныхъ капиталовъ, положенныхъ монастырями въ процентные запасы, простирается, по соображеніямъ и исчисленіямъ автора, до 23 милліоновъ рублей. „Всѣ монастырскія богатства, доходы и капиталы, и прежде составлялись, и нынѣ составляются, по его мнѣнію, главнымъ образомъ, изъ тѣхъ приношеній, которыя жертвуются православными христіанами въ монастыри" (стр. 11). Скопленіе и увеличеніе такихъ богатствъ въ монастыряхъ — „не только безполезно, но и положительно вредно для нихъ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ (стр. 381). Для русскаго народа необходимо нынѣ образованіе; но для учрежденія народныхъ училищъ средствъ не имѣетъ ни государственное казначейство, ни земство. Монастыри обязаны теперь отблагодарить русскій народъ за его щедрыя, въ теченіе вѣковъ продолжавшіяся, пожертвованія удѣленіемъ части своихъ доходовъ и богатствъ на устройство и содержаніе народныхъ училищъ. Правительство должно образовать изъ богатствъ монастырскихъ общее церковное казначейство и распоряжаться ими по своимъ соображеніямъ.

Итакъ авторъ предлагаетъ, чтобы доходы монастырскіе, собираемые средствами, по собственнымъ его выраженіямъ, часто незаконными, неприличными, неправственными и такъ дал., послужили бы источникомъ для народнаго образованія. Едва ли такое предложеніе автора можетъ быть принято, по его внутреннимъ достоинствамъ. Авторъ, совершенно справедливо порицающій практикуемыя монахами средства добыванія доходовъ, не только не предлагаетъ запретить и искоренить

такое хозяйство монаховъ, но своимъ предложеніемъ думаетъ навсегда связать эти средства съ источниками содержанія учрежденій для народнаго образованія. Болѣе странное предложеніе трудно придумать. Не лучше этого предложенія желаніе автора, чтобы „монастырскія цѣнности", состоящія, между прочимъ, въ священныхъ сосудахъ, иконахъ и тому под. предметахъ, обращены были въ такой капиталъ, который бы служилъ фондомъ для различныхъ оборотовъ въ пользу народнаго образованія: такое обращеніе соединилось бы непремѣнно не только съ нарушеніемъ принциповъ нравственности и права, но и съ оскорбленіемъ религіозныхъ чувствъ народа; оскорбленіе же религіозныхъ чувствъ народа изъ за нѣкоторыхъ незаконныхъ поступковъ монаховъ, полагаемъ, крайне несправедливо. Основаніе, приводимое авторомъ для доказательства возможности обращенія „цѣнностей" монастырей на образованіе народа, крайне шатко. Это основаніе состоитъ въ томъ, что „цѣнности" монастырей составились главнымъ образомъ изъ приношеній народа. Но народъ дѣлалъ приношенія монастырямъ не для тѣхъ цѣлей, на которыя предлагаетъ авторъ обратить приношенія; измѣненіе воли приносителей относительно цѣли приношеній (или дареній), безъ согласія ихъ, юридически несправедливо; при томъ „цѣнности монастырскія пріобрѣтались и не только отъ приношеній, но и другими средствами, въ числѣ которыхъ нельзя игнорировать и личнаго труда монаствующихъ.

Мысль автора объ образованіи общаго церковнаго хозяйства или общаго религіознаго фонда вовсе не нова. Она не разъ приводилась въ исполненіе какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ. Но, случалось, что цѣнности церковныхъ установленій секуляризовались для образованія фонда, а фондъ или вовсе не являлся, или онъ образовывался вовсе не для тѣхъ цѣлей, для которыхъ происходило отчужденіе отъ церковныхъ установленій цѣнностей. Примѣры секуляризаціи, предлагаемые авторомъ, были уже и у насъ при Петрѣ I, Екатеринѣ II и Александрѣ I. Но при Петрѣ и Екатеринѣ II вовсе не явилось церковнаго фонда. При Александрѣ I образовался этотъ фондъ изъ суммъ приходскихъ церквей подъ именемъ церковностроительнаго капитала; но этотъ капиталъ впослѣдствіи исчезъ, такъ что теперь названія отъ него не осталось. Исторія же представляетъ примѣры и того, что управленіе и употребленіе обще-церковнаго фонда чиновниками государства отнюдь не лучше хозяйственнаго управленія тѣхъ церковныхъ установленій, отъ которыхъ перешли къ нимъ капиталы.

Приводя къ итогу результаты „Опыта изслѣдованій" автора, мы должны сказать, что факты, имъ собранные, драгоцѣнны, а его соображенія и предложенія лишены всякой цѣнности.

М. Горчаковъ.

(ПРОФЕССОРЪ ИМП. С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА).

Отдѣльно отпечатано изъ Тома VII Сборника Государственныхъ Знаній».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Іюня 1879 г.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 л., д. № 45).

2007043111